

ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ: младшее поколение

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-470-480>

<https://elibrary.ru/YGTVUE>

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ НИНЫ БЕРБЕРОВОЙ: ДНЕВНИК КАК ПУБЛИЧНЫЙ ЖАНР

© 2024 г. П. Деотто

Аннотация: В статье анализируется «Черная тетрадь», дневник военного времени, включенный как шестая глава в автобиографический текст книги «Курсив мой»; показывается преобладание в нем дневникового письма, не полностью спонтанного, но подвергнутого переработке в наиболее личной его части. Подобные трансформации направлены на то, чтобы подкрепить экзистенциальный путь, обрисованный в автобиографии, и призваны показать, с одной стороны, как Берберова рассматривает различные ситуации и интерпретирует ход жизни, а с другой — стать свидетельством текущих событий через фрагментарное повествование об их развитии, о реакции и поведении тех, кто оказывается в них вовлечен.

Ключевые слова: Нина Берберова, дневник, автобиография, память, русская эмиграция.

Информация об авторе: Патриция Деотто — кандидат филологических наук, профессор, Государственный университет Триеста, Виа Фильзи 14, 34132 г. Триест, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8560-9362>

E-mail: pdeotto@units.it

Для цитирования: Деотто П. Черная тетрадь Нины Берберовой: дневник как публичный жанр // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 470–480.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-470-480>

Research Article



This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

NINA BERBEROVA'S BLACK NOTEBOOK: DIARY AS A PUBLIC GENRE

© 2024. P. Deotto

Abstract: The article deals with “Black Notebook”, a diary written during the World War II which is inserted into chapter six of the autobiographical text titled “The Italics Are Mine”. It illustrates a form of prevalence of a diary writing which is not spontaneous, but controlled in its intimate dimension. This is the result of the reconstruction aimed at confirming the existential path traced in the autobiography, and oriented on the one hand to record the way in which Berberova focuses on situations and interprets the flow of life; on the other hand, it bears witness to current events through a fragmentary narrative of the progress of the events themselves and the reaction and behavior of the persons involved in them.

Keywords: Nina Berberova, diary, autobiography, memory, Russian emigration.

Information about the author: Patrizia Deotto, PhD in Philology, Professor, State University of Trieste, Department of Legal Sciences, Language, Interpretation and Translation, University of Trieste, Via Filzi 14, 34132 Trieste, Italia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8560-9362>

E-mail: pdeotto@units.it

For citation: Deotto, P. “Nina Berberova’s Black Notebook: Diary as a Public Genre.” *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrubba, manag. ed. M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 470–480. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-470-480>

Шестая глава книги «Курсив мой» Нины Берберовой под заголовком «Черная тетрадь» охватывает период с августа 1939 г. по апрель 1950 г. и содержит записи разного типа: мысли и размышления, афоризмы, цитаты, описание сновидений, размеченные по месяцам

и годам. Подобная структура создает у читателя впечатление, что он имеет дело с подлинным дневником писательницы — и Берберова усиливает это впечатление, окутывая свою тетрадь ореолом секретности: «от которой до сих пор пахнет землей: она одно время была закопана в подвале и зацвела темно-зелеными пятнами плесени» [10, с. 439].

Однако опубликованный дневник никогда не бывает точной копией рукописи, он неизбежно подразумевает переработку первоначального текста. Если автор жив, у него будет искушение внести правки, которые позволят ему создать определенный образ самого себя, поскольку подобного рода дневниковое письмо не столько отражает саморефлексию автора дневника, сколько обращено к внешнему читателю, с которым ему хочется разделить определенный опыт. Таким образом, можно сказать, что опубликованный дневник чаще всего есть некий конструкт, и в этом смысле он близок к автобиографии.¹

«Черная тетрадь» — не исключение из этого правила, что подтверждают наблюдения И. Винокуровой: при работе с архивом Берберовой она отметила, что многие рукописи дневников, которые писательница вела с 1920-х гг., впоследствии либо подверглись авторской самоцензуре, либо были полностью уничтожены: «Не сохранились и дневники Берберовой с 1939 по 1950 гг., обширные фрагменты которых составили в “Курсиве” отдельную главу под названием “Черная тетрадь”» [1, с. 212].

Даже не имея в распоряжении тетради с рукописью («я еще в начале войны купила толстую тетрадь, в клеенчатом переплете, с красным обрезом. Я иногда записываю в нее какие-то факты и мысли, события и размышления о них» [10, с. 437]), которая помогла бы понять, каким образом редактировался и видоизменялся автором текст, на основе анализа фактов биографии Берберовой из писем, воспоминаний и других документов можно утверждать, что перед нами не полностью спонтанное дневниковое письмо, что автор контролирует наиболее личную его часть.

В «Черной тетради» автор придерживается тех же принципов, которым следует в работе над автобиографией: «первый: раскрой себя до конца, и второй: утай свою жизнь для себя одной» [10, с. 433]. В рассматриваемый период дневниковых записей в жизни Берберовой происходили важные события как с личной точки зрения (разрыв со вторым мужем), так и в отношениях с русской эмиграцией (в

¹ Подробнее об этом см.: [9, р. 161; 7, р. 151].

особенности, обвинения в коллаборационизме и их последствия²), и они, вероятно, были ею отрефлексированы. Тем не менее они оставили в дневнике почти никакого следа. Расставание отражено в короткой записи: «Человек, с которым я продолжаю жить (кончаю жить): не веселый, не добрый, не милый. У него ничего не спорится в руках. Он все забыл, что знал. Он никого не любит, и его постепенно перестают любить» [10, с. 511]. Эту запись Берберова раскрывает подробнее в пятой главе «Курсив мой», правда, умалчивая об интимных подробностях ситуации и о личности третьего ее участника³.

Что касается второго обстоятельства, в «Черной тетради» оно не упоминается⁴, в то время как в седьмой главе содержится лишь косвенный намек на него [10, с. 536]⁵.

Создается впечатление, что автор «Черной тетради» переработала «грубый» материал оригинального дневника, сохранив те записи, которые подтверждают экзистенциальный маршрут, обрисованный в автобиографии, но лишь отчасти позволяя читателю следовать за ней по пути интроспекции в ее исследовании личных переживаний, состояний души. В тексте обнаруживаются следы мотивов, составляющих основные смысловые узлы «Курсива»: непрестанные попытки преодолеть противоречия, разрешить всякое раздвоение, обуславливающее ее жизнь, чтобы в итоге достигнуть гармонического соединения противоположностей и наслаждаться «благословенным ощущением *шва*» [10, с. 114]. В декабре 1940 г. она пишет:

Самое главное чувствовать, что в тебе переливается, что ты не разделен на «верх» и «низ», что посередине нет «китайской стены», разрезающей тебя на две части. Вот это я любила. Это не сразу пришло ко мне, только тогда, когда я сделалась женщиной. От мозга к коленям и от колен к мозгу я стала «одно», я стала «системой опыта». Это были мои соки, которые бегали по моей «системе» [10, с. 462].

² Об обвинении в коллаборационизме см.: [2].

³ Не названный третий человек это Минна Журно. Подробнее о ней и об отношениях Берберовой с ней см.: [3, с. 159–160, 162, 163–164, 169–171, 186–187]; [11, с. 79–80, 118–119].

⁴ Запись от августа 1943 г., в которой Берберова вспоминает неприятную встречу с человеком, принадлежавшим к коллаборационистам, и свое нежелание с ним сблизиться, может быть интерпретирована как защита от направленных против нее обвинений. [10, с. 492–493].

⁵ Об этом см.: [4, с. 111].

Она вновь фиксирует это состояние в длинной записи от июля 1947 г., посвященной поездке в Швецию, где Берберовой удалось победить водобоязнь, избавиться от этой страшной слабости, которая «лишает не только огромного числа удовольствий, но, что важнее, той внутренней гармонии, которая есть в основе цель всякой жизни» [10, с. 508], а затем преодолеть и другие, менее серьезные фобии.

С идеей гармонии, вновь обретенной благодаря преодолению определенных страхов, связана февральская запись, в которой автор размышляет об освобождении применительно к собственному внутреннему состоянию, перечисляя те чувства, настроения, побужденные слабости и опасения, из которых формируется поток витальной энергии, вновь обретенный энтузиазм, главный двигатель ее существования: «Энергия — мое вечное упоение» [10, с. 507]. Наличие этой энергии — необходимое условие для подготовки к новой жизни в Соединенных Штатах, ставших ее последним прибежищем.

Еще одна повторяющаяся в автобиографии тема — похвала немумолимому закону имманентности, вера в «здесь» и «сейчас» и безразличие к трансцендентному. В записях «Черной тетради» это и является причиной не только трений с Верой Зайцевой и размолвки с архимандритом Киприаном, но и неизбежной реакции Берберовой на коммерциализацию духовной сферы:

Никогда не забуду радиопередачу из Нотр-Дам в воскресенье утром:

— Вы любите деньги? Но Господь наш Иисус Христос никогда не запрещал любить деньги. — Вы любите спорт? Но Господь наш Иисус Христос сам любил спорт <...> [10, с. 484].

Писательский дневник часто оказывается творческой лабораторией, в которой разрабатываются литературные замыслы или автобиографические тексты⁶, что характерно и для «Черной тетради», где накапливались важные материалы для формирования автобиографического текста. Подтверждением того, что сама писательница рассматривала дневник как место зарождения будущей биографии, служит длинная запись от декабря 1946 г. с перечислением критериев, которым Берберова стала бы следовать, если бы решила писать книгу о себе [10, с. 505].

⁶ На эту тему см.: [9, р. 124–125].

Анализируя различные типологии дневников, Гуздорф различает интимный, личный дневник, понимаемый как инструмент, позволяющий глубже узнать самого себя, и дневник внешний, в большей степени ориентированный на хронику текущих событий, отзывающийся на внешние стимулы. В то же время он допускает существование в одном дневнике обеих категорий [6, р. 250].

Эти наблюдения легко применить и к «Черной тетради», где чередуются два типа дневникового письма — более личный, который показывает, как Берберова относится к различным событиям, и документальный, целью которого становится свидетельство о ходе событий, реакции и поведении их участников, фиксируемое в отрывочном повествовании.

Наиболее пространная часть «Черной тетради», которая относится к периоду войны — яркий пример реализации дневникового письма. Оккупация Парижа отражена в серии коротких ежедневных записей от июня 1940 г. о лихорадочном бегстве из Парижа и прибытии в Лонгшен знакомых и друзей, ищущих временного убежища от авианалетов [10, с. 447–449]. В сентябре в фокусе наблюдения Берберовой оказывается поведение людей, которые постепенно адаптируются к присутствию врага: «Победивший враг гуляет по деревне, побежденный смотрит на него и для собственного успокоения ищет и находит в нем всевозможные приятные черты: он чист, вежлив, платит за все наличными деньгами» [10, с. 450]. Отставив в сторону совместно пережитые страдания и страх, люди кое-как возобновляют прежнее житье: «Все возвращаются к своим прежним трудам и стяжаниям. Люди спускаются в свою бытовую лужу. Они ничего не принесли с собой с высот страданий, на которых с неудобствами просидели несколько дней» [10, с. 450].

Внутреннее состояние Берберовой наблюдается в том, как она фиксирует ряд перемен в повседневной жизни, поначалу едва заметных, но внушающих все большую тревогу: спички, которые невозможно зажечь в феврале 1941 г. — симптом надвигающейся угрозы, уже пережитой автором в 1920 г. Через месяц в коротком списке важнейших для выживания элементов: «каша в горшке, хлеб в печи, шерсть и сало» [10, с. 467] — писательница резюмирует мышления о тяжелых условиях жизни в борьбе с голодом и холодом.

Другие записи показывают, что мучительное проживание повседневности, исполненной смятения и тягот, сопровождается чувством подавленности, связанной с необходимостью вновь переживать опыт прошлого — собственный или известный ей по чужим свидетельствам. К ней возвращаются воспоминания о Нахичевани,

где во время гражданской войны запуганное местное население беспомощно наблюдало за противоборством враждующих армий. В то же время тревога по поводу ночных авианалетов соединяется в сознании Берберовой с чувством подавленности, которое испытывал при звуках вражеской авиации в 1918 г. Леонид Андреев, см.: [10, с. 467].

Личный опыт и литературные воспоминания сплетаются, порождая ощущение преемственности между ее собственными ночами и ночными бдениями писателя. Ей кажется, что война стала неизбежной спутницей ее жизни: «А теперь каждый вечер сотни самолетов летят над нами на Англию, громить города и мирное население. И я не могу уснуть. И все думаю: это кончится только с моей жизнью» [10, с. 468]. Год спустя, в ноябре 1942 г., глубокое отчаяние принимает форму тотального и безнадежного чувства неустрашенности: «Состояние такое, будто живем на большой дороге — укрыться некуда» [10, с. 487].

В одном из пассажей Берберовой квинтэссенцией текущего момента является всеобщее интеллектуальное и эмоциональное истощение, которое влияет на четыре «светлых явления» человеческой жизни: «книги, бескорыстные чувства, собственные творческие мысли и природу» и меняет бытие самой писательницы: «Первое и четвертое сводятся к стэндалевскому: лектюр э агрикультюр. Третье замерло. Второго все меньше» [10, с. 485].

Как говорилось выше, Берберова с первых дней войны стигматизирует неспособность людей трансформировать опыт совместно пережитого страдания и страха в эмпатию, взаимопонимание и взаимную поддержку. В целом ряде записей она осуждает пошлость, которая проявляется в банальности, узости ума, безразличии, мелкобуржуазном эгоизме, приводя характерные выдержки из разговоров — например, диалог с женщиной по имени Маргарита, которая приходит к ней стирать: «— Детям скоро сократят рацион молока. — Ничего, мадам, я ведь не пью» [10, с. 491] или реакцию мосье П. на ее рассказ о бомбардировке Бьянкура в марте 1942 г., спровоцировавшей множество жертв, когда сама Берберова стала свидетельницей того, как женщины вытаскивали из домов обожженных детей: «— А мне плевать: я живу на Монмартре!» [10, с. 485]. В одной из записей пошлость соединяется с враждебным отношением части французского общества к русским. Сосед Берберовой, чье дерево с усыпанными алычой ветками склоняется над ее садом, решает срубить дерево и оставляет гнить плоды, лишь бы не заходить на территорию ненавистных русских «белоэмигрантов».

В книге «Курсив мой» Россия, понимаемая как культурное и интеллектуальное пространство, постоянно присутствует на заднем плане, с которым все время соотносится Берберова. Этот мотив то и дело возникает и в «Черной тетради», в том числе и в связи с военными событиями.

Две краткие записи, одна помеченная датой «Июнь. 22-е. Воскресенье <1941 г.>», днем вторжения нацистской Германии в Советский Союз, а вторая — только месяцем, под которым помещен краткий афоризм «Я — топор мира», приписываемый Аттиле, отражают тревогу Берберовой за будущее России [10, с. 469]. Тревога и отвращение сквозят в августовской записи, в которой писательницы развивает ряд ассоциации, связывая ритм первой части «Патетической» сонаты Бетховена с ритмом идущего поезда, сыгравшего роковую роль в трагической судьбе Анны Карениной, и с кадрами киножурнала с русского фронта, где немецкие танки продвигаются вперед «по болотам, дорогам, по спелой ржи, по молодому лесу, вброд по рекам» под звуки Девятой симфонии Бетховена. В лиричных образах спелой ржи и молодого леса чувствуется ужас Берберовой, которая в записи от декабря подтверждает нерасторжимую, хотя и мучительную связь с родной землей: «Если бы я только могла не дрожать, смотря на карту России. Но я дрожу» [10, с. 474]⁷.

Дневниковые записи, в которых отмечается текущий момент, фиксируются военные операции по мере их развертывания и прослеживается «развитие происходящих событий, их связь, невидимая или еще не явная» [8, р. 77], чередуются с литературными цитатами, символически отражающими состояние души автора.

В июне 1941 г. Берберова приводит пассаж из «Замогильных записок» Шатобриана, отсылающий к наполеоновской кампании в России, которая началась за 129 лет до этого. Так выражены траги-

⁷ В 1941 г. Берберова, как и многие эмигранты, надеялась, что немцы помогут освободить Россию от Сталина и большевизма. По этому поводу И. Винокурова пишет: «У большинства были веские личные причины для острой ненависти к большевикам, и эта ненависть затмевала многое. Практически у всех оставались в Советском Союзе близкие родственники, судьба которых была совершенно непредсказуемой [...] Неудивительно, что вступление Гитлера в войну с Россией было расценено ими как реальная возможность скоро встретиться с родными, разлука с которыми представлялась до этого вечной.» [2, с. 174]. Но не прошло два года, как Берберова изменила свое мнение [2, с. 173]. В «Черной тетради» записи о вторжении немецких войск в Советский Союз кратки, они не вполне отражают позицию Берберовой, в то время как в рассказе о событиях, связанных с оккупацией Парижа, сказывается враждебное отношение к немцам.

ческие и мучительные для нее предчувствия, которые вскоре найдут подтверждение в июльской записи со списком оккупированных немецкой армией городов. А осенью, перед лицом наступления немецких войск на Украине и в России, Берберова обретает душевное равновесие в чтении «Нашествия Наполеона на Россию» Тарле.

В других случаях символическое выражение мыслей и чувств находит отражение в фиксации снов, распространенной дневниковой практике. В «Черной тетради» особенно значимы два сна, связанные с периодом войны, — они выражают чувство страха и тревоги⁸ и служат контрапунктом к описанию событий.

После записей июня 1941 г., в которых рассказывается о первых немецких арестах нескольких русских эмигрантов, как левых, так и правых, в августе следует запись первого сна о вызове всех русских для регистрации в немецкое управление в Рамбуе. Ощущение угрозы, возможной опасности и полной беспомощности перед немцами, чем Берберова пытается объяснить жалкое положение бедных русских эмигрантов, слабых, невинных, живущих по «нансеновским» паспортам [10, с. 471], воплощается в ночном кошмаре, от которого Берберова просыпается в слезах и панике.

В январе 1942 г. в русской газете «Наше слово» публикуется корреспонденция о трагическом положении Ленинграда, где свирепствует голод и на занесенных снегом улицах штабелями складывают трупы. Это производит сильнейшее впечатление на Берберову, она думает о пожилых родителях, о жестоких испытаниях, которые им приходится переносить в невыносимых условиях осажденного города. Сон о телеграмме с известием о том, что мать умерла раньше отца, отражает предчувствия Берберовой, в реальность которых она не поверит, пока в 1961 г. не получит им подтверждения [10, с. 476]⁹. Этот сон можно было бы отнести к традиционной категории вещей¹⁰, однако можно

⁸ Обстоятельный анализ роли снов в дневниках и воспоминаниях и их функции исторического свидетельства см.: [5].

⁹ Ирина Винокурова приводит запись из дневника французского издателя Берберовой Юбера Ниссена, в которой он со слов Берберовой рассказывает, что «в январе 1943 г. родители решили эвакуироваться. Отец Берберовой умер от сердечного приступа, как только они сели в поезд, и его тело немедленно вынесли из вагона. Мать, несмотря на уговоры родственников, отказалась ехать дальше, и больше ее никто не видел» [2, с. 174].

¹⁰ Ирина Паперно отмечает по этому поводу: «Даже те, кто не верит в вещие сны, порой ощущают сон как предвестие <...> за счет того, что сон разыгрывает возможности дальнейшего развития своего “я” и своей жизненной ситуации, то есть представляет потенциальную реальность» [5, с. 231–232].

предположить и его психологическое обоснование: Берберова, по-видимому, подсознательно считала мать слишком хрупкой и беззащитной, неспособной пережить страшный быт блокадных дней.

Сны и литературные цитаты, наряду с потоком чувств и мыслей, разрозненно фиксируемых по мере их появления, складываются в «Черной тетради» в череду пережитых впечатлений. С одной стороны, эти впечатления создают экзистенциальное измерение в автобиографии, с другой — являются прямым свидетельством событий Второй мировой войны как в личном, так и общественном измерении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Винокурова И.* «Камер-фурьерский журнал» Нины Берберовой // Звезда. 2014. № 8. С. 200–214.
2. *Винокурова И.* Неоконченные споры. Еще раз о «деле» Нины Берберовой // Звезда. 2019. № 8. С. 162–176.
3. *Винокурова И.* Нина Берберова. Труды и дни по дневникам и письмам // Звезда. 2021. № 8. С. 157–195.
4. *Деотто П.* Нина Берберова и положение апатрида в определении собственной идентичности // «Свой» vs «Другой» в культуре эмиграции / под ред. А.А. Данилевского, С.Н. Доценко. М.: Флинта; Наука, 2018. С. 103–112.
5. *Паперно И.* Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения, М.: Новое литературное обозрение, 2021. 320 с.
6. *Gusdorf G.* Lignes de vie 1. Les écritures du moi. Paris: Les Éditions Odile Jacob, 1990. 430 p.
7. *Lejeune Ph., Bogaert C.* Le journal intime. Histoire et anthologie. Paris: Éditions Textuel, 2006. 496 p.
8. *Scrivano F.* Diario e narrazione. Macerata: Quodlibet, 2014. 176 p.
9. *Simonet-Tenant F.* Le journal intime. Genre littéraire et écriture ordinaire. Paris: Éditions Téraèdre, 2004. 192 p.

Источники

10. *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. 735 с.
11. *Берберова Н., Кузнецова Г.* Нина Берберова — Галина Кузнецова: Переписка 1920-х–1960-х годов // под ред. И.З. Белобровцевой, О.Р. Демидовой. М.: Дмитрий Сечин, 2022. 272 с.

REFERENCES

1. Vinokurova, I. ““Kamer-fur’erskii zhurnal’ Niny Berberovoi” [“Nina Berberova’s “Kamer-fur’erskii Zhurnal”]. *Zvezda*, No. 8, 2014, pp. 200–214. (In Russian)
2. Vinokurova, I. “Neokonchennye spory. Eshche raz o “dele’ Niny Berebrovoi” [“Ongoing Debates on the Berberova “Case”]. *Zvezda*, no. 8, 2019, pp. 162–176. (In Russian)
3. Vinokurova, I. “Nina Berberova. Trudy i dni po dnevnikam i pis’mam” [“The Life and Works of Nina Berberova in Her Diaries and Letters”]. *Zvezda*, no. 8, 2021, pp. 157–195. (In Russian)
4. Deotto, P. “Nina Berberova i polozhenie apatrida v opredelenii sobstvennoi identichnosti” [“Nina Berberova and Her Statelessness in Defining Her Identity”], eds by A.A. Danilevskii, S.N. Dotsenko. “Svoi” vs “Drugoi” v kul’ture emigratsii [“The Our” vs “The Others” in Emigration Culture]. Moscow, Flinta, Nauka, 2018, pp. 103–112. (In Russian)
5. Paperno, I. *Sovetskaia epokha v memuarakh, dnevnikakh, snakh. Opyt chteniia* [Soviet Period in Memories, Diaries and Dreams. Reader’s Experience]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2021. 320 p. (In Russian)
6. Gusdorf, G. *Lignes de vie 1. Les écritures du moi*. Paris, Les Éditions Odile Jacob, 1990. 430 p. (In French)
7. Lejeune, Ph., and C. Bogaert. *Le journal intime. Histoire et anthologie*. Paris, Éditions Textuel, 2006. 496 p. (In French)
8. Scrivano, F. *Diario e narrazione*. Macerata, Quodlibet, 2014. 176 p. (In Italian)
9. Simonet-Tenant, F. *Le journal intime. Genre littéraire et écriture ordinaire*. Paris, Éditions Téraèdre, 2004. 192 p. (In French)

Дата поступления статьи: 02 декабря 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 30 мая 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: December 02, 2021

Approved: May 30, 2022

Date of publication: October 07, 2024